

Ю НЕСБЁ

**КОМПЛЕКТ
из 2-х книг**

Ю Несбё

**Ревность. Крысиный остров.
Комплект из 2-х книг**

«Азбука»

2021

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

Ревность. Крысиный остров. Комплект из 2-х книг / Ю. Несбё — «Азбука», 2021

ISBN 978-5-389-20148-4

Несбё, норвежский писатель и ведущий представитель северного нуара, не перестает удивлять. Ломая стереотипы, пренебрегая правилами жанра, он показывает человека так откровенно, как если бы мы сами смотрели в зеркало, боясь себе признаться: это я. «В моей голове нет и не будет никакой цензуры», – утверждает Несбё. В этот комплект вошли два сборника короткой прозы. В первый из них вошли семь криминальных историй, объединенных темой ревности: чувства древнего, сильного, болезненного, неподвластного воле, изменяющего человеческую природу. Ревность прикрывается жаждой справедливости, сводит с ума, отравляет жизнь и меняет ее к лучшему лишь в том случае, когда соперника удастся в прямом и переносном смысле убрать. Среди героев Несбё есть и циники, и простаки, но они всегда поступают непредсказуемо – даже для самих себя, потому что перед зеленоглазым чудовищем человеческая логика бессильна. Знакомясь с другим сборником малой прозы мастера северного нуара Ю Несбё «„Крысиный остров“ и другие истории», вы будете желать, чтобы эти жуткие сюжеты не были списаны с вашей жизни. Но, увы, они про всех нас. «Крысиный остров» вынесен в название не просто так. Это ключевой рассказ сборника, проецирующий возможное развитие событий в условиях пандемии. Выжить любой ценой – единственная цель человечества, указывающая на его же нравственный кризис. Поэтому центральная тема второго по счету сборника новелл – крах человеческой культуры. И каждый рассказ, подобно заезженной пластинке, демонстрирует медленную гибель нашей цивилизации.

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-20148-4

© Несбё Ю., 2021

© Азбука, 2021

Содержание

«Ревность» и другие истории	7
Лондон	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ю Несбё
Ревность. Крысиный остров.
Комплект из 2-х книг

Jo Nesbø

SJALUSIMANNEN OG ANDRE FORTELLINGER

ROTTEØYA OG ANDRE FORTELLINGER

Copyright © Jo Nesbø 2021

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© Д. А. Гоголева, А. В. Наумова, перевод, 2021

© А.В. Наумова, Д.А. Гоголева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА

* * *

«Ревность» и другие истории

Лондон

Летать я не боюсь. Для среднестатистического пассажира шанс погибнуть в авиакатастрофе, летя обычным рейсом, составляет один к одиннадцати миллионам. Иными словами, вероятность умереть в самолете от инфаркта – в восемь раз выше.

Я подождал, пока лайнер наберет высоту и выровняется, наклонился к соседнему креслу у окна и, пытаясь успокоить, тихо сообщил эти сведения всхлипывающей, вздрагивающей женщине.

– Но, разумеется, когда тебе страшно, статистика мало что значит, – добавил я. – Говорю, потому что знаю, каково тебе.

До этого момента ты пристально смотрела в окно, а теперь обернулась и перевела взгляд на меня, как будто только что заметила, что на соседнем кресле кто-то сидит. Преимущество бизнес-класса: благодаря тому что между сиденьями есть лишние десять сантиметров, чуть сосредоточившись, можно вообразить, будто ты один. И по общему согласию всех пассажиров бизнес-класса никто эту иллюзию не разрушает, не произнося ничего, кроме кратких любезностей и самых необходимых фраз («Ничего, если я опущу шторку?»). А так как для ног места больше, можно, никак не взаимодействуя, пройти мимо соседа в туалет, достать вещи с багажной полки и так далее; как правило, можно полностью друг друга игнорировать, даже если путешествие длится полдня.

Твое выражение лица я определил как легкое недоумение по поводу того, что я нарушил правило бизнес-класса номер один. Что-то в твоём непринужденно-элегантном костюме – я бы не сказал, что цвета брюк и свитера сочетались, но, полагаю, все зависит от надевшего их человека, – сообщило мне, что экономклассом ты летала давно. Если вообще летала. И тем не менее ты плакала – так разве не ты нарушила установленную границу? С другой стороны, плакала ты, отвернувшись от меня, и ясно давала понять, что не хочешь ничем делиться с другими пассажирами.

Что ж, если бы я воздержался от утешения, это уже была бы чуть ли не черствость – я мог лишь надеяться, что ты мою дилемму поймешь.

Лицо у тебя бледное и заплаканное – и все-таки удивительно красивое, как у эльфа. Или, возможно, красивой ты стала потому, что побледнела и плакала? Всегда питал слабость к хрупкости и беззащитности. Я протянул тебе салфетку, которую стюардесса положила до взлета под наши стаканы с водой.

– Спасибо, – сказала ты, выдавив улыбку, взяла салфетку и промокнула под глазом растекийся макияж. – Но это вряд ли.

Ты снова отвернулась к окну, прислонилась к стеклу, как будто прячась, и тело вновь затряслось от рыданий. Что – вряд ли? Вряд ли знаю, каково тебе? Я в любом случае свое дело сделал и теперь, естественно, оставлю тебя в покое. Я бы посмотрел полфильма, а потом попытался поспать, хоть и мог рассчитывать максимум на час сна. Мне редко удается заснуть в самолете – причем не важно, сколько длится полет, – и особенно когда я знаю, что поспать надо. Я пробуду в Лондоне всего шесть часов, потом полечу обратно в Нью-Йорк.

Табло «Пристегните ремни» погасло, и подошедшая стюардесса налила воды в пустые стаканы, стоявшие между нами на широком, массивном подлокотнике. Перед взлетом капитан сообщил, что сегодня ночью перелет из Нью-Йорка в Лондон займет пять часов десять минут. Рядом с нами кто-то уже опустил спинку и укрылся одеялом, а кто-то уткнулся в экран и ждал, когда принесут еду. Стюардесса еще до взлета разносила меню, но и я, и моя соседка отказа-

лись. К моей радости, я нашел себе фильм в категории «классика» – «Незнакомцы в поезде» – и уже надевал наушники, когда услышал твой голос.

– Это все муж.

Я повернулся к тебе, держа наушники в руках.

Вокруг глаз у тебя размазалась тушь, напоминая театральный грим.

– Он мне с моей лучшей подругой изменяет.

Не знаю, расслышала ли ты слова о том, что странно все еще называть этого человека лучшей подругой, но у меня, скажем так, и в мыслях не было тебя поправлять.

– Извини, – сказал я, – не хотел вмешиваться...

– Не извиняйся – хорошо, когда людям не все равно. Таких очень мало. Мы же до смерти боимся любых огорчений и тоски.

– Тут ты права, – согласился я, не зная, убирать наушники или нет.

– Думаю, они прямо сейчас трахаются, – всхлипнула ты. – Роберт всегда секса хочет. И Мелисса тоже. В эту самую минуту они на моих шелковых простынях...

Мой мозг автоматически нарисовал картинку: супружеская пара, обоим за тридцать, он зарабатывает, и зарабатывает много, а ты выбираешь постельное белье. Наш мозг – специалист по стереотипам. И иногда он ошибается. А иногда оказывается прав.

– Наверно, ужасное чувство, – сказал я без излишне драматических интонаций в голосе.

– Я умереть хочу, – призналась ты. – Так что насчет самолета ты ошибся. Надеюсь, он рухнет.

– Но ведь впереди еще куча дел ждет, – возразил я, нацепив обеспокоенное выражение лица.

Какое-то мгновение ты просто на меня смотрела. Видимо, дурацкая вышла шутка: время для нее уж точно выбрано неудачно, да и, учитывая ситуацию, нагловатое получилось. Ты ведь сказала, что умереть хочешь, а кроме того, назвала подходящий мотив. Шутка могла показаться неподобающей и грубоватой – или спасительной возможностью отвлечься от не подлежащей обсуждению тоски. Comic relief¹ – вот как это называется; во всяком случае, когда прием срабатывает. И все же я пожалел о своих словах – да, даже дышать перестал. Потом ты улыбнулась. Улыбка в ту же секунду исчезла, как рябь с лужи, но я снова задышал.

– Не переживай, – тихо сказала ты. – Умру только я.

Я непонимающе на тебя смотрел, но ты избегала моего взгляда и косилась в сторону, на салон.

– Там во втором ряду младенец, – заметила ты. – Младенец в бизнес-классе, и он, возможно, всю ночь проплачет – что ты на это скажешь?

– А что тут говорить?

– Что родителям стоило бы понять: люди заплатили больше за то, чтобы здесь сидеть, потому что им надо поспать, а может быть, завтра утром им ехать на встречу или на работу.

– М-да. Пока авиакомпании пускают младенцев в бизнес-класс, остальное на совести родителей.

– Тогда надо авиакомпании штрафовать за то, что нас обманывают.

Ты осторожно вытерла под вторым глазом, взяв вместо салфетки, что я тебе дал, свой бумажный платок.

– В рекламе бизнес-класса пассажиры сладко спят.

– В перспективе авиаккомпанию ждет наказание: мы будем не готовы платить за то, что не получим.

– Но зачем они так делают? – спросил я.

– Родители или авиакомпания?

¹ Разрядка смехом (англ.).

– Понимаю: родители поступают так потому, что денег у них больше, чем совести. Но ведь авиакомпании должны терять деньги, потому что предоставляемые в бизнес-классе услуги теряют в качестве?

– Они также потеряют репутацию, если будут говорить, что не очень рады детям.

– Ребенку плевать, где плакать – в бизнесе или в экономе.

– Ты прав, я имела в виду – не очень рады родителям с маленькими детьми.

Я улыбнулся:

– Авиакомпании боятся, что со стороны все это будет напоминать апартеид. Естественно, проблему можно решить: те, кто плачет в бизнес-классе, отправляются в эконом и уступают место довольному, не верящему в происходящее человеку, купившему дешевый билет.

Смех у тебя был мягкий и приятный – на этот раз он добрался до глаз. Легко подумать – и я подумал: непонятно, зачем изменять такой красивой женщине, но тут уж как есть. Дело не во внешней красоте. Да и не во внутренней тоже.

– Чем занимаешься? – спросила ты.

– Я психолог, провожу исследования.

– Что исследуешь?

– Людей.

– Ну естественно. Что ты узнал?

– Что Фрейд был прав.

– По поводу чего?

– Что люди, за редким исключением, ничтожества.

Ты засмеялась.

– Да уж, мистер...

– Зови меня Шон.

– А я Мария. Шон, но ты ведь так не считаешь, разве нет?

– Что люди ничтожества, за редким исключением? С чего бы мне так не считать?

– Ты проявил заботу, а забота бессмысленна, если ты самый обыкновенный мизантроп.

– Ну да. Зачем же мне было врать?

– По той же самой причине – ты проявляешь заботу. Ты мне поддакиваешь, утешаешь меня – говоришь, что тоже боишься летать. А когда я рассказала, что меня предали, утешаешь и говоришь, что в мире полно плохих людей.

– Ой! Вообще-то, я здесь психолог.

– Вот видишь, тебя даже профессия выдает. Осталось признать, что ты опровергаешь собственное утверждение. Как человек ты чего-то стоишь.

– Хотелось бы, чтобы это было так, Мария, но, боюсь, моя деланая забота – это лишь результат светского английского воспитания, и я не представляю никакой ценности ни для кого, кроме себя самого.

Почти незаметно ты повернулась ко мне на пару градусов.

– Тогда, Шон, ценность у тебя есть благодаря воспитанию. Ну и что? Ценность придают поступки, а не то, что ты думаешь и чувствуешь.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Просто благодаря воспитанию мне не нравится нарушать правила адекватного поведения, на самом деле ни на какие жертвы я не иду. Я приспособливаюсь и избегаю неприятных ситуаций.

– По крайней мере, ты ценен как психолог.

– Боюсь, тут я тоже тебя разочарую. Я не настолько умный и трудолюбивый, чтобы найти лекарство от шизофрении. И если самолет рухнет, мир лишится лишь довольно скучной статьи о confirmation bias² в научном журнале, который читает лишь горстка психологов, – вот и все.

² Необъективность восприятия (англ.).

– Кокетничаешь?

– Да, а еще я кокетничаю. Можно добавить к списку моих пороков.

Теперь ты искренне рассмеялась.

– И нет даже жены и детей, которые будут по тебе скучать, если тебя не станет?

– Нет, – коротко ответил я.

Так как сидел я у прохода, то не мог окончить разговор, просто-напросто отвернувшись к окну и притворившись, что ночью в темноте разглядел в Атлантическом океане что-то интересное. А взять журнал из кармашка в спинке переднего сиденья – это уже чересчур демонстративный поступок.

– Извини, – тихо произнесла ты.

– Все нормально, – ответил я. – Что ты имела в виду, когда сказала, что умрешь?

Наши взгляды встретились, и мы впервые друг друга увидели. И хотя, наверное, это попытка все объяснить задним числом, думаю, мы оба заметили то, благодаря чему уже тогда стали подозревать: эта встреча способна изменить все – да она уже все изменила. Может быть, ты как раз об этом думала, но отвлеклась – наклонилась ко мне, опираясь на подлокотник; ощутив запах твоих духов, я подумал о ней: это ее запах, она вернулась.

– Я покончу жизнь самоубийством, – прошептала ты и, откинувшись на сиденье, стала меня рассматривать. Не знаю, что было написано у меня на лице, но я видел: ты не врешь.

– И как ты собираешься это сделать? – вот и все, что я смог спросить.

– Рассказать?

Вопрос ты задала с загадочной, почти веселой улыбкой. Я задумался. Хочу ли я это услышать?

– Кстати, это неправда, – сказала ты. – Потому что, во-первых, я не буду лишать себя жизни – это уже случилось. Во-вторых, не я лишу себя жизни, а они.

– Они?

– Да. Я подписала договор...

Ты посмотрела на часы «Картье» – готов поспорить, подарок того самого Роберта. Он их подарил до того, как изменил, или после? После. Мелисса была не первой, он все время изменял.

– ...четыре часа назад.

– Они? – повторил я.

– Фирма, занимающаяся самоубийствами.

– Ты про... это как в Швейцарии? То есть активная эвтаназия?

– Да, но только более активная. И с той разницей, что тебя лишают жизни так, что это не выглядит как самоубийство.

– Да?

– Ты как будто мне не веришь.

– Я... да я просто удивился.

– Понимаю. Это должно остаться между нами, в договоре есть пункт о конфиденциальности, и, вообще-то, мне нельзя ни с кем об этом говорить. Просто мне...

Ты улыбнулась, и твои глаза тут же снова наполнились слезами.

– ...невыносимо одиноко. А ты незнакомец. И психолог. Вы же обязаны хранить врачебную тайну?

Я прокашлялся.

– Да, если речь о пациентах.

– Ну так я твой пациент. Вижу, сейчас у тебя есть время на консультацию. Доктор, сколько вы возьмете?

– Боюсь, Мария, так нельзя.

– Разумеется, нет, это же нарушает принятые в твоей профессии правила игры. Но как частное лицо ты ведь послушать можешь?

– Пойми: у меня возникнет этическая проблема, если человек собирается совершить самоубийство и доверится мне, а я даже не пытаюсь вмешаться.

– Ты не понимаешь: вмешиваться поздно, я уже умерла.

– Умерла?

– Договор не отменить, меня убьют в течение трех недель. Они заранее объясняют, что, когда тыставишь на бумаге подпись, никакую тревожную кнопку уже не нажмешь. Существовай у них такая кнопка – и потом мороки с юристами не оберешься. Так что, Шон, ты сидишь рядом с трупом.

Ты засмеялась – на этот раз сухо и горько.

– Выпьешь со мной или будешь просто слушать?

Ты протянула длинную худую руку к кнопке вызова персонала – в темном салоне как будто пискнул гидролокатор.

– Ладно, – согласился я. – Но советов я давать не буду.

– Хорошо. А ты обещаешь никому ничего не говорить даже после моей смерти?

– Обещаю, – сказал я. – Хотя не думаю, что тебе это будет важно.

– Вообще-то, важно. Если я нарушу пункт о конфиденциальности, они смогут через суд взыскать с меня кучу денег, и тогда организациям, которым я завещала, останутся одни крохи.

– Чем могу помочь? – спросила беззвучно материализовавшаяся возле нас стюардесса.

Наклонившись, ты заказала нам джин-тоник. Горловина свитера чуть приспустилась, я увидел бледную кожу и почувствовал, что у тебя не ее запах. У тебя запах чуть сладковатый, пикантный, как бензин. Да, бензин. И дерево – только я названия не помню. Запах почти мужской. Когда стюардесса погасила лампочку и ушла, ты сбросила ботинки, повернулась на бок, по-кошачьи поджала под себя ноги – из-за пары торчащих, покрытых нейлоном узких ступней мне на ум, естественно, пришла мысль о балете.

– Фирма, которая занимается самоубийствами, находится в Манхэттене, в красивом офисе, – сказала ты. – Там адвокатская контора; по их словам, у них все прописано на сухом юридическом языке, и я в этом не сомневаюсь. Например, они не убивают людей с психическими заболеваниями, а до подписания договора нужно пройти психиатрическую экспертизу. Еще нужно отменить страхование жизни – при наличии такового, – чтобы на них потом не подали в суд страховые компании. Есть много других оговорок, но самое важное – пункт о конфиденциальности. Добровольно заключенный договор между совершеннолетними сторонами в США имеет более широкие рамки, чем в большинстве других стран. Но вдруг об их деятельности станет известно и она получит огласку – естественно, они боятся, что из-за реакции общественности политики их прикроют. Они себя не рекламируют, их клиенты – исключительно состоятельные люди, которые узнали о них word of mouth³.

– Понятно, почему они не высываются.

– Разумеется, их клиенты тоже хотят сохранить тайну, ведь самоубийства считаются стыдным поступком. Как аборт. Клиники, которые делают аборты, ничего противозаконного не совершают, но на вывеске у них это не написано.

– И правда.

– И естественно, в основе бизнеса – секретность и стыд. Клиенты готовы выложить крупные суммы за то, чтобы умереть без физических и психических страданий и неожиданно, насколько это вообще возможно. Но главное, все произойдет так, чтобы ни семья, ни друзья, ни окружающие даже не заподозрили самоубийство.

– И как это происходит?

³ С чужих слов (англ.).

– Тебе этого, разумеется, не скажут – только то, что существует бесчисленное количество способов и что это случится в течение трех недель с момента подписания контракта. Примеров тоже не приводят, иначе мы – осознанно или нет – станем избегать определенных ситуаций, что вызовет совершенно ненужный и сильный страх. Единственное, о чем нам сообщают: это будет абсолютно безболезненно, и мы даже не поймем, что это вот-вот случится.

– Понимаю, кому-то, наверное, важно скрыть факт самоубийства, но тебе-то это зачем? Разве это, напротив, не способ отомстить?

– То есть Роберту и Мелиссе?

– Если ты умрешь и будет абсолютно ясно, что это самоубийство, придет не только стыд, но и чувство вины. Роберт и Мелисса начнут обвинять не только себя, но и друг друга – в той или иной степени сознательно. Это же сплошь и рядом. Ты видела, например, статистику разводов пар, у которых ребенок покончил с собой? А процент самоубийств родителей?

Ты всего лишь на меня посмотрела.

– Извини, – сказал я, почувствовав, что слегка покраснел. – Я приписываю тебе жажду мести лишь потому, что уверен: сам я на твоём месте чувствовал бы себя именно так.

– Думаешь, Шон, ты себя в дурном свете выставляешь?

– Да.

Ты сухо и горько рассмеялась.

– Все нормально – естественно, я хочу отомстить. Но ты Роберта с Мелиссой не знаешь. Если бы я совершила суицид и оставила родным письмо, в котором обвинила бы Роберта в неверности, он, естественно, стал бы все отрицать. Мол, я от депрессии лечилась, ну или что-нибудь в таком духе, а в последние дни у меня еще и паранойя развилась. Они с Мелиссой были очень осмотрительны, – наверное, про них никто и не знает. Готова поспорить, что полгода после моих похорон она бы для виду повстречалась с каким-нибудь финансистом из окружения Роберта. Они все на нее слюни пускают, но она всегда умудряется оставить их с носом – она же динамщица. А потом они с Робертом наконец объявят, что они пара, и объяснят, что свело их общее горе.

– Так, похоже, ты еще больший мизантроп, чем я.

– Это точно. А вот от чего меня и правда воротит, так это оттого, что в глубине души Роберт почувствует и некую гордость.

– Гордость?

– Из-за того, что женщина не смогла жить по причине, что он достался не ей одной. В таком свете он это увидит. И Мелисса тоже. Благодаря моему самоубийству он сам еще больше поднимется в цене, а они в итоге станут счастливее.

– Ты так считаешь?

– Да. Слышал про теорию Рене Жирара о миметическом желании?

– Нет.

– По теории Жирара, если не брать в расчет удовлетворение базовых потребностей, мы не знаем, чего хотим. И мы подражаем окружающим – ценим то, что ценят другие. Если в твоём окружении принято считать Мика Джаггера сексуальным, то в итоге и ты на него западешь, хоть изначально тебе он казался мерзким. Если я своим самоубийством подниму Роберту цену, Мелиссе он станет еще нужнее – и вместе они будут еще счастливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.